

ИНТЕРМЕДИИ КАК СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ «СВОЕЙ НАРОДНОСТИ» В ЭПОХУ БЕЛОРУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Чернова Мария Станиславовна

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования “Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова”; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

В белорусской литературе процесс перехода от средневековой эстетики к эстетике Нового времени, как и в других восточнославянских литературах: русской и украинской, – пришелся на конец XVII – XVIII в. Обусловленный собственными историческими и социально-политическими обстоятельствами, этот процесс происходил в Белоруссии по-своему и имел специфические черты.

Опустошительные войны и связанное с ними социально-экономическое оскудение, католическая реакция, религиозное и национальное угнетение задержали процесс формирования белорусской нации и национального литературного языка. Однако интеграция белорусских земель в состав Польши, тем не менее, обеспечивала как европейское влияние, так и включенность Белоруссии в общеевропейский культурный процесс. Особенно ярко это сказалось на развитии белорусской драматургии конца XVII – XVIII в.

История западно-европейского театра начинается с мистерии – религиозной драмы, ставшей прообразом школьного театра. Возникшие в учебных заведениях в эпоху Средневековья как средство изучения латинского языка, школьные представления вскоре превратились в способ пропаганды и распространения католицизма и протестантизма, а эстетические принципы школьной драмы получили теоретическое обоснование. Усилиями иезуитов школьная драма достигла своего расцвета в Польше в XVI–XVII вв., откуда перешла в Белоруссию и на Украину, а затем в Россию. В промежутках между актами серьезной духовной или исторической драмы с целью доставить зрителям отдых и развлечение было принято разыгрывать шуточные сценки в стиле фарсов, вводить выступления представителей городской или деревенской уличной толпы (крестьян, солдат, ремесленников и т.д.). Эти сценки получили название интерлюдий или интермедий.

Иногда интермедии являлись своего рода комической перелицовкой серьезных сцен самой школьной драмы, как, например, интерлюдии при рождественской и пасхальной драмах М. Довгалевского. Они представляли собой живые и оригинальные зарисовки в чисто народном духе.

В сборнике Н.С. Тихонравова «Междуречие» были опубликованы семь московских интермедий, в которых польское влияние проявилось даже в под-

боре персонажей: традиционные литвин, еврей, шляхтич, цыган. Интересно отметить, что в русских интермедиях к драме «Стефанотокос» к ним прибавились и сугубо великорусские, московские, персонажи: раскольники, церковники, подьячие, мошенники и т.д. Однако в России дальнейшее развитие интермедий остановилось на первой же ступени. «Их грубость и вульгарность, не могшая удовлетворить верхних слоев общества, вкусы которого обуславливали прогресс нашего театра, оттолкнули от них наших писателей с именем; последние, увлеченные иными, западно-европейскими литературными образцами, не стали продолжать дела безыменных авторов интермедий».

Иная ситуация сложилась в белорусской драматургии. Интермедии напротив явились практически единственной формой проявления национального белорусского элемента в художественном творчестве и послужили основой для дальнейшего развития самобытной белорусской литературы.

Исследователи подчеркивают, что именно из интермедий вышли и белорусские комедии, и белорусские пародии «Тарас на Парнасе» и «Энеида наизнанку», и с интермедиями было связано творчество В.И. Дунина-Марцинкевича и Павлюка Багрима. А С.К. Майхрович обнаружил генетическую связь сатирико-комедийной направленности всей белорусской драматургии именно с интермедиями XVIII в.: «Именно с интермедий к школьным драмам начинается по сути история национально-белорусского театра и драматургии» [1, с. 231].

Историческая ситуация в Беларуси складывалась таким образом, что социальная дифференциация сопровождалась дифференциацией национальной. Белорусами в Речи Посполитой оказались демократические слои населения. Поэтому в соответствии с законами жанра действующими лицами белорусских интермедий, были люди из народа: крестьяне, корчмари, церковные служки, отставные солдаты, цыгане, ремесленники, – и их национальная принадлежность как белорусов неизбежно подчеркивалась. Достигалось это, прежде всего, тем, что интермедии создавались на белорусском языке, языке простолюдинов. Оказывалось, что вопреки действующему с 1697 г. запрету на книжное употребление белорусского языка, принятому польским сеймом, живая белорусская речь звучала в «малых формах» драматургии с подмостков школьных театров. В связи с этим интермедии явились проявлением демократической культуры.

Для школьных представлений все пьесы: драмы и интермедии, фарсы и комедийные водевили – создавали преподаватели и студенты школ и православных, и католических, и униатских, и протестантских концессий. Но в отличие от братских писателей, для которых белорусский и украинский простолюдин был «своим родным братом», иезуитские авторы наделяли крестьянских персонажей вульгарно-комическими чертами и выставляли в смешном свете как безнадежно ограниченных простаков. Однако им удавалось нарисо-

вать целые картины народной жизни с правдоподобными и порой реалистичными бытовыми сценами.

В этом смысле иезуитские интермедии можно считать не только первыми, но и ценнейшими народоведческими документами. Как отмечает В.В. Аниченко, «в комедийном жанре белорусской литературы XVIII в. была заложена народно-разговорная основа нового белорусского литературного языка. И, вероятно, комедийными произведениями XVIII в. должна начинаться эпоха формирования белорусского национального языка на народной основе, а не традиционно характеризовать ими язык белорусской народности» [2, с. 52].

Этнографическое значение шуточных вставных сцен школьных латинских и польских драм заключалось в том, что они сохранили сведения об особенностях не только языка, но и жизни, образа мыслей, чувств и чаяний простого белорусского народа в соответствующую эпоху. Известный этнограф Е. Карский заметил, что «не трудно установить связь реалистических сцен многих школьных драм с известными произведениями устной народной словесности» [3, с. 215].

В различных рукописных сборниках XVII–XVIII вв. обнаружено более двадцати белорусских интермедий, которые в своей совокупности представляют собой самобытное явление белорусской словесности [4].

Первая белорусская интермедия к драме «Comedia de Jacob et Patriarchis» оказалась в рукописном сборнике 1651 г., принадлежащем жителю г. Гродно Е. Пылинскому. Главным действующим персонажем является, конечно, крестьянин Иван. Его речь вся соткана из пословиц и поговорок, которые позднее будут получены фольклористами-этнографами из уст самого народа. И именно они помогут Ивану эмоционально и по-народному мудро высказать свои суждения и дать оценку различным жизненным обстоятельствам. И хотя он и представляется простаком, но его выводы основаны на жизненной правде. В то же время, несмотря на всю свою наивность, Иван оказывается по-народному находчивым; ему удается одерживать верх над хитрым дьяволом, которого он умудряется открыто водить за нос.

Важно подчеркнуть, что по мере развития интермедии афористичность языка все более усиливалась, сопровождая углубление социальных мотивов, которые постепенно вытесняли сугубо бытовые картинки, что наблюдается в «Духовной комедии святых Бориса и Глеба», и интермедии «Colonus, Studiosus». Как справедливо подчеркивал С.К. Майхрович, «насколько бы тенденциозно не искажали его [белорусского крестьянина. – М. Ч.] духовный облик иезуитские эстеты и полонизаторы, им не удавалось принизить человеческое достоинство деревенского человека. Однообразная и надоедливая схоластическая писанина иезуитских авторов оживлялась реалистическими сценками из народного быта» [1, с. 215].

Однако нельзя не заметить, что крестьянские персонажи в белорусских интермедиях есть своеобразная интерпретация образа вездесущего слуги, персонажа, являвшегося постоянным участником французских классицистических комедий, который оказывался сметливее и находчивее своего хозяина. А национальная бытовая среда, узнаваемые жизненные ситуации, живая белорусская речь сближают героя-простолодина с образами крестьян, созданных самим народом в бытовых сказках. Это причудливое соединение книжно-литературной и народно-поэтической традиции нашло отражение именно в белорусских интермедиях XVII–XVIII вв.

Под влиянием школьного театра, мистерий и комических интермедий стал развиваться кукольный театр, для представлений которого использовали деревянный ящик, напоминающий сценическую площадку для представлений средневековых мистерий. У поляков он называлась «шопкой», у украинцев – «вертепом», а у белорусов «батлейкой». В литературоведении для определения пьес, предназначенных для этого кукольного театра, используют термин «народно-религиозная вертепная драма». Ее создателями были школьники-бурсаки, низшие слои духовенства, городские мещане и даже крестьяне.

Вертепное искусство на территории Польши, Белоруссии, Украины и западной России стало развиваться почти одновременно, а вертепные пьесы имели схожие особенности, что объясняется не столько заимствованиями, сколько общностью культурной среды, которая их породила: сосуществованием и взаимопроникновением католической и православной культур.

Действительно, после Люблинской унии 1569 г., кроме римско-католической и православной церквей, в западных территориях Украины и Белоруссии начала действовать греко-католическая (униатская) церковь, что стало определяющим фактором для формирования стиля церковного искусства этих местностей, к которому первоначально относился и вертепный театр.

Вертепная драма явилась наиболее близким к народному творчеству видом драмы. Важно подчеркнуть, что в Беларуси, как и на Украине, в Польше и России, батлеечный кукольный театр, развившийся из рождественско-святочных и колядных представлений, достиг своего расцвета в XVIII в., однако к середине XIX в. батлейка из достояния книжной культуры стала превращаться в феноменом фольклора [5, с. 456].

Не случайно белорусские фольклористы-этнографы П. Шпилевский, П. Шейн, Е. Карский, П. Бессонов собирали батлеечные тексты как образцы народного творчества. Они называли батлейку народным театром, а батлеечную драму – народной, т.к. в апокрифической переработке канонических библейских сюжетов видели отражение народного христианско-языческого мировоззрения и мировосприятия.

Однако представляется целесообразным относить батлейку не к народному, а демократическому виду искусства, как это предложила Н.И. Савушкина [6, с. 16]. Под термином «демократический» исследовательница имела в виду смешанный вид крестьянской и городской полукнижной культуры, основанной на фольклорно-обрядовой, лубочной и комедийной традиции. Как заметил Н. Виноградов, «все действие в этих сценах заключается почти исключительно в том, что типы различных национальностей, полов и профессий дерутся или пляшут» [7, с. 390]. Развитие вертепной драмы шло в направлении постепенного сокращения мистериальной части и расширения второй, что и обусловило ее переход из области книжной в область фольклорную.

Героями сенок с бытовым содержанием были крестьяне, паны или шляхтичи, солдаты, священники, еврей-шинкари, ляхи, цыгане и др. Их действия внешне напоминали поступки святочных ряженных, ритуальных персонажей, связь которых с дохристианскими пластами культуры не нуждается в особых доказательствах. О связи с фольклором свидетельствует и сама структура вертепной драмы, которая, будучи анонимной, обладает свойством вариативности: несмотря на некоторые различия, в сюжетах и образной структуре бытовой части вертепной драмы просматриваются повторяющиеся мотивы, которые фольклористы называют «общими местами». Это могли быть сцены торговли, сцены со скотом, цыган с лошастью, Цыган и Жид, танцевальные эпизоды, в которых участвовали Пан и Пани, Купец, Улан или Гусар с Дамами, две Краковянки и др.

Конкретные представления могли отличаться друг от друга, но, в целом, в структуре всех вертепных текстов имелась своего рода каноническая закономерность. Эту закономерность вывела М.Г. Давидова на основании не только восточно-и западнобелорусских, но и украинских и русских вертепных драм.

Литература

1. *Майхровіч, С. К.* Нарыс гісторыі старажытнай беларускай літаратуры XIV–XVIII стст. / С. К. Майхровіч. – Мінск : Выш. школа, 1980. – 254 с.
2. *Аниченко, В. В.* Развитие белорусского литературного языка в XVIII в. / В. В. Аниченко // Вопросы языкознания. – 1978. – № 4. – С. 47–57.
3. *Карский, Е. Ф.* Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская литература. – Петроград, 1921. – 255 с.
4. *Резанов, В. И.* Экскурсе в область театра иезуитов : К истории русской драмы / В. И. Резанов. – Нежин : тип. н-ков В. К. Меленевского, 1910. – 464 с.
5. *Петров, Н. И.* Старинный южно-русский театр и в частности вертеп / Н. И. Петров // Киевская старина. – 12. – 1882. – С. 438–480.
6. *Савушкина, Н. И.* Русская устная народная драма : учебное пособие. – Вып. 1 / Н. И. Савушкина. – Москва : Издательство Московского университета, 1978. – 107 с.
7. *Виноградов Н. Н.* Народная драма / Н. Н. Виноградов // История русской литературы / под ред. Е. В. Аничкова [и др.]. – Москва, 1908. – Т. 1. – С. 381–395.